

Морис Палеолог

ТАЙНЫЙ БРАК ИМПЕРАТОРА

Книга о том,
как Александр II
из-за любви
к княгине Юрьевской
отверг условности
царского двора,
за что и заплатился
жизнью

РОССИЯ
ВЕК XIX

Морис Палеолог

Тайный брак императора

«Алисторус»

Палеолог М. Ж.

Тайный брак императора / М. Ж. Палеолог — «Алисторус»,

ISBN 978-5-699-37598-1

Воспоминания Мориса Палеолога (1859–1944), дипломата, историка, посла Франции при Российском Императорском Дворе в 1914–1917 годах, – увлекательное чтение о романе 47-летнего российского императора Александра II и 17-летней княжны Екатерины Долгорукой, впоследствии светлейшей княгини Юрьевской. В конце жизни государя княгиня Е. М. Юрьевская стала его морганатической женой. История этой любви разворачивается на широком фоне жизни России второй половины XIX века.

ISBN 978-5-699-37598-1

© Палеолог М. Ж.

© Алисторус

Содержание

Вступление	6
Глава I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Морис Палеолог

Тайный брак императора

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

© ООО «Издательство Эксмо», 2009

Вступление

Покушение 1/13 марта 1881 года. – Мой приезд в С.-Петербург. – Торжественное погребение Императора Александра II в соборе Петропавловской крепости. – Появление во время отпевания морганатической супруги Александра II княгини Юрьевской. – Ее роль в жизни Александра II и политической жизни России.

Это было в 1881 году. Я только что поступил в Министерство Иностранных Дел и, еще не сдав экзамена, был причислен к кабинету министра Бартелеми Сент-Илера, переводчика Аристотеля и друга Тьера.

В воскресенье, 1/13 марта, около семи часов вечера, когда я в качестве дежурного находился в комнате, смежной с кабинетом министра, один из чиновников секретного отдела принес мне с растерянным видом срочную телеграмму, только что им расшифрованную. Она гласила:

«С.-Петербург, 13 марта 1881 года.

Страшное несчастье постигло Россию. Император скончался в три с половиной часа пополудни, пав жертвой гнусного покушения.

Его Величество после парада и посещения великой княгини Екатерины возвращался домой, как вдруг брошенной бомбой была взорвана его карета. Император, оставшийся невредимым, хотел выйти из кареты, чтобы узнать, в чем дело. В это мгновение вторым взрывом ему раздробило ноги. Императора в санях довели до дворца, где он скончался час спустя. Я видел его на его смертном одре, окруженного потрясенной семьей.

Все население столпилось около дворца, выражая глубокую скорбь и сохраняя полное спокойствие.

Из сопровождавших государя один казак убит, пятеро ранено. Говорят и о других жертвах. На месте преступления во время взрыва произведено четыре ареста.

Генерал *Шанзи*».

Несколько часов спустя стали известны и все подробности покушения.

Французское общество было взволновано; печать, как это было и естественно, выразила отвращение, вызываемое у порядочных людей столь гнусным преступлением. Но и только.

В это время взаимоотношения между Россией и Францией не отличались особенной сердечностью. Франция еще не без горечи вспоминала о телеграмме 27 февраля 1871 года, в которой новый германский император, Вильгельм I, сообщая из Версаля своему царствующему племяннику о заключении предварительного мирного договора, писал: «Пруссия никогда не забудет, чем она Вам обязана. Да благословит Вас Бог!»

Правда, ни для кого не было тайной, что в 1875 г. царь воспротивился тем воинственным замыслам, которые таил Бисмарк против Франции. Но с тех пор деятельность революционеров окружила имя Александра II страшными легендами; его представляли еще более деспотичным и беспощадным, чем его отца – жестокого самодержца Николая I.

За несколько месяцев до убийства важный инцидент до крайности обострил дипломатические отношения между Петербургом и Парижем. Императорское правительство потребовало от нас выдачи анархиста Гартмана, обвиняемого в организации взрыва царского поезда на вокзале в Москве 19 ноября (1 декабря) 1879 года. Под влиянием наших прогрессивных партий, французское правительство отказалось исполнить это требование, что вызвало гнев Александра II. Русская печать выражала свое резкое неудовольствие, и русский посол, князь Орлов, внезапно уехал из Парижа, не простившись ни с президентом республики, ни даже с министром иностранных дел и аккредитовав письмом своего поверенного в делах.

Смерть Александра II ставила Европу перед рядом тревожных вопросов. Что произойдет в России? Является ли покушение 1/13 марта вступлением к общему перевороту? Что одержит победу – консервативные или революционные силы? В случае вероятной сильной реакции, не будет ли царский абсолютизм вынужден теснее сплотиться с германскими державами? Не грозит ли нам опасность возобновления направленного против Франции и заключенного в 1873 году знаменитого союза трех императоров?..

Бартелеми Сент-Илер желал как можно скорей получить ответ на эти вопросы. Он написал личное письмо по этому поводу нашему послу в России, генералу Шанзи, к которому он относился с глубоким почтением, и поручил мне доставить это письмо, дополнив его некоторыми устными пояснениями.

Во вторник, 3/15 марта вечером, я выехал в Петербург.

На Северном вокзале я получил как бы первое предостережение того, что меня ожидает в России. В зале для отъезжающих я прочел объявление, гласившее, что русская граница закрыта впредь до нового распоряжения и что путешественники, направляющиеся в Россию, должны будут остановиться в Берлине. Мой дипломатический паспорт, однако, обеспечивал мне возможность доехать до Петербурга.

Экспресс был почти пуст. В нем было не более двадцати человек, в число которых входил великий князь Николай Николаевич, брат императора и бывший главнокомандующий русской армией во время Турецкой войны, его сыновья Николай и Петр, возвращавшиеся из Канн, их адъютанты и многочисленная прислуга.

В Берлине, куда мы прибыли на следующий день в 8 часов вечера, у нас была продолжительная остановка, во время которой великим князьям представлялись чины Русского посольства в глубоком трауре и адъютант престарелого императора Вильгельма.

Поезд был подвергнут тщательному полицейскому досмотру, и, за исключением великих князей, их свиты и одного английского курьера, лишь я один получил разрешение следовать дальше.

На следующий день, в 4 часа пополудни, мы прибыли в Эйдкунен, где в поезд внесли множество сундуков и чемоданов военного образца. Немного времени спустя в Вержболово я увидел великих князей в военной форме выходящими из вагона с траурными нарукавниками на серых шинелях. Выстроившийся на перроне отряд солдат отдавал честь.

Несмотря на свой дипломатический паспорт, я был подвергнут тщательному допросу о цели моего путешествия. Жандармский офицер, производивший этот допрос, был изысканно любезен. Такому же допросу был подвергнут и английский курьер.

Я прошел в буфет выпить стакан чаю. В сумерках под тяжело нависшим небом вокзал производил мрачное впечатление. Перед каждой дверью стоял жандарм, вдоль железнодорожного полотна часовые, а кругом, в беспредельной туманной равнине то там, то здесь, появлялись казачьи патрули, охранявшие границу.

Через 24 часа мы прибыли в Петербург.

Петербург был совершенно терроризован, – не только покушением, совершенным 1/13 марта, но еще более слухами о силе и отваге революционеров. На улицах можно было встретить лишь запуганных и растерянных людей. При встрече друг с другом они обменивались тревожными новостями, множившимися с каждым часом. Говорили о сенсационных арестах, о захвате оружия, взрывчатых веществ, об обнаружении тайных типографий, о революционных прокламациях, расклеенных в общественных местах и даже в Зимнем дворце, об угрожающих письмах, полученных высшими представителями власти, об убийствах жандармских офицеров среди белого дня в центре города и т. п. Особенно были взволнованы только что опубликованным результатом расследования.

Распутывая нить заговора, полиции удалось обнаружить произведенный на углу Садовой и Невского подкоп, в котором была заложена адская машина, начиненная двумя пудами динамита.

Я направился прямо в посольство и тотчас же выполнил данное мне поручение. В тот же вечер, за обедом у генерала Шанзи, я познакомился с его главными сотрудниками: с его адъютантом подполковником Буадефром, советником посольства Терно-Компан и самым блестящим из секретарей, успевшим уже составить себе литературное имя – Мельхиором де Вогюэ.

В живой и интересной беседе, в которую генерал время от времени вставлял меткое слово, я впервые ближе ознакомился с Россией. Я не мог и желать лучшей подготовки к тому зрелищу похорон Императора, свидетелем которого я должен был стать на следующий день.

В 9 час. утра мы собрались в посольстве в парадной форме, дипломатической или военной.

День был холодный, небо – безоблачно. Закованная в гранитные набережные Нева пышно раскинула свой ледяной убор. Когда мы вышли из посольства, луч солнца заблестел на золотом шпиле Петропавловской крепости, привлекая взоры к куполу собора и к бастионам государственной тюрьмы.

С крепости раздались три пушечных залпа и вслед за этим был поднят черно-желтый штандарт с императорским гербом. Зазвонили во всех церквях. Погребальное шествие двинулось по Адмиралтейской набережной.

Шествие открывал эскадрон кавалергардов. Вслед за ним, выстроившись в ряд, шла вереница церемониймейстеров, несущих царские регалии покойного самодержца: короны, скипетры, державы, знамена и гербы Москвы, Киева, Владимира, Новгорода, Смоленска, Казани, Астрахани, Сибири, Волыни, Херсона, Польши, Ливонии, Эстонии и Курляндии, Карелии, Финляндии, Грузии и т. д. Перед каждым гербом двое конюших на поводу вели бранного коня, покрытого черной попоной и несущего щит с гербом данной области.

Вслед за ними престарелый князь Суворов нес на золотой подушке корону, сверкавшую бриллиантами, рубинами и топазами. Он нес ее с трудом, так как она очень тяжела: это императорская корона России.

Так прошла передо мною в живых образах история русских монархов от Владимира Святого и первых московских князей до последних Романовых. И тут я впервые понял глубокий смысл того, что русские цари назывались «собирателями земли русской».

Эту величественную картину дополняли представители трех главных сословий: дворян, купцов и крестьян.

Два взвода кирасир замыкали первую часть шествия.

После небольшого перерыва шли певчие с горящими свечами, а за ними духовенство.

Величественная процессия священнослужителей в ризах из черного бархата, расшитого серебром, производила глубокое впечатление. В суровых митрах и византийских ризах, наполовину скрывающих их руки и лица, митрополиты и архиереи казались движущимися иконами.

Вслед за ними следовала траурная колесница, запряженная восемью черными лошадьми в траурных пополах с белыми султанами.

Внутри колесницы по углам гроба стояли четыре генерал-адъютанта. Сам гроб покрыт был горностаевым, вышитым золотом покрывалом.

За гробом следовал император Александр III с непокрытой головой, крепкий и величественный, в Андреевской ленте через плечо. Его сопровождали великие князья.

Императрица Мария Федоровна со своими детьми, великими княгинями и придворными дамами следовали за гробом в траурных каретах.

Шествие замыкал отряд гвардейцев.

Мы с генералом Шанзи пошли прямо в собор крепости. Подошли мы к нему одновременно с траурной колесницей. Император и великие князья сняли гроб и на плечах понесли его к катафалку.

Вслед за этим в ярко освещенной церкви перед таинственно сверкающим иконостасом началась дивная зауспокойная литургия.

Императорская семья заняла место справа от катафалка.

Придворные чины, министры, генералы, сенаторы и высшие представители гражданской и военной власти стали в середине собора.

Иностранные послы, вместе с чинами посольств, заняли место за императором. Германию представлял генерал Швейниц; Австро-Венгрию – граф Кальноки; Англию – лорд Дюфрен; Италию – Нигра. Но и на этот раз лучше всех была представлена Франция. Своей внушительной внешностью, открытым и энергичным лицом, врожденным достоинством и изяществом манер, трезвостью своей речи генерал Шанзи блестяще олицетворял лучшие свойства французского характера.

Торжественное богослужение сосредоточивает мое внимание на усопшем, посиневшее лицо которого, освещаемое колеблющимся светом свечей, кажется трагическим: по православному обычаю гроб открыт.

Догадываясь о моих мыслях, Вогюэ сказал мне: «Вглядитесь в этого мученика! Он был великим царем и был достоин лучшей судьбы... Он не был блестящим умом, но он был великодушным, благородным и прямым. Он любил свой народ и питал бесконечную жалость к униженным и оскорбленным... Вспомните о его реформах. Петр Великий не совершил большего... вспомните о всех трудностях, которые ему надо было преодолеть, чтобы уничтожить рабство и создать новые основы для сельского хозяйства. Подумайте, что тридцать миллионов человек обязаны ему своим освобождением... А его административные реформы! Ведь он попытался уничтожить чиновничий призыв и социальную несправедливость. В устройстве суда он создал равенство перед законом, установил независимость судей, уничтожил телесные наказания, ввел суд присяжных. А ведь он был непосредственным преемником деспотичного Николая I!.. В иностранной политике созданное им не менее значительно. Он осуществил замыслы Екатерины II о Черном море, он уничтожил унижительные статьи Парижского трактата; он довел московские знамена до берегов Мраморного моря и стен Константинополя; он освободил болгар, он установил русское преобладание в Центральной Азии... И, наконец, в самое утро своего последнего дня, он работал над преобразованием, которое должно было превзойти все остальные и которое неминуемо вывело бы Россию на путь мирного западноевропейского развития: он хотел дать конституцию... И в этот день революционеры его убили! Как загадочно-странно переkreщаются линии истории и как издевается она над здравым смыслом. Освободитель американских негров Линкольн был также убит. А освобождение негров вызвало в другой части света освобождение крестьян. Александр II не хотел, чтобы Россия оставалась бы единственным христианским государством, в котором существовало бы рабство... Да, быть освободителем небезопасно!»

В это время хор начал петь «Вечную память». Вслед за этим священник прочел отпущение грехов и приложил ко лбу усопшего полоску пергамента с начертанной на ней молитвой.

Наступил момент последнего прощания.

Поднявшись по ступенькам катафалка с глазами, полными слез, Александр III склонился над гробом и запечатлел свой прощальный поцелуй на руке отца. Царица, великие князья и княгини последовали его примеру.

Вслед за ними послы с чинами посольства приблизились к гробу. Но в это время главный церемониймейстер, князь Ливен, попросил нас остановиться.

В глубине церкви, из двери, ведущей в ризницу, вышел министр двора, граф Адлерберг, поддерживая хрупкую молодую женщину под длинным траурным вуалем. Это морганатиче-

ская супруга покойного императора, княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская, урожденная княжна Долгорукая.

Неверными шагами поднялась она по ступенькам катафалка. Опустившись на колени, она погрузилась в молитву, припав головой к телу покойного. Через несколько минут она с трудом поднялась и, опираясь на руку графа Адлерберга, медленно исчезла в глубине церкви.

Вслед за этим дипломатический корпус прошел мимо гроба императора. Когда настал мой черед, я заметил, что вся нижняя часть тела усопшего, изуродованная взрывом, скрыта пышной мантией и что красная вуаль, закрывающая часть лица, скрывает две раны.

Из всех впечатлений, сохранившихся в моей памяти о моем первом пребывании в России, наиболее сильное было воспоминание о мимолетном появлении в соборе крепости княгини Юрьевской.

В течение следующих лет я видел ее несколько раз в Париже, где она вела обычную жизнь богатой иностранки. У нее не было никаких сердечных увлечений. Трое ее детей от Александра II, казалось, поглощали всю ее нежность. Она подолгу жила в Ницце, где и умерла 15 февраля 1922 г. Ее смерть была отмечена двумя-тремя газетными строками.

А между тем, я знал, что ее личная жизнь была связана с большой политической тайной. Немногие, в эту тайну посвященные, ревниво ее оберегали или унесли с собой в могилу.

Отрывочные сведения, собранные мною во время моей службы в Петрограде, несколько писем, попавших в мои руки, и, наконец, откровенный рассказ лица, посвященного в эту тайну и доверившегося мне, дают мне возможность более точно определить то важное место, которое княгиня Юрьевская по праву должна занять в истории России.

Глава I

Княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. – Ее предки. – Поместье Тепловка. – Разорение и смерть отца. – Княжна Долгорукая поступает в Смольный институт. – Встречи в Летнем саду с Александром II. – От сострадания к любви. – Бабигонский бельведер. – Странная клятва. – Комната Николая I в Зимнем дворце. – Связь становится известной. – Екатерину Михайловну увозят в Неаполь.

Княжна Екатерина Михайловна была дочерью Михаила Михайловича Долгорукого и его супруги Веры Гавриловны, урожденной Вишневецкой. Родилась она в Москве 2 ноября 1847 года.

Отец ее, унаследовавший крупное состояние, вел беспечный образ жизни и жил то в Петербурге, то в Москве, то в своем большом поместье Тепловке, вблизи Полтавы. Род Долгоруких идет по прямой линии от Рюрика, Владимира Святого и Великомученика Михаила, князя Черниговского. Дочь одного из предков Долгорукого, Мария, в 1616 году вышла замуж за Михаила Федоровича Романова, основателя династии Романовых.

В августе 1857 года император Александр II, приехав на маневры, остановился в Тепловке. Не желая быть навязчивой, вся семья переехала в один из флигелей.

Однажды, после обеда, царь со своими адъютантами сидел на веранде, когда мимо него пробежала маленькая девочка. Царь окликнул ее: «Кто ты? и что ты ищешь?»

– Я – Екатерина Михайловна, – пролепетала девочка, смутясь, – мне хочется видеть императора.

Это рассмешило Государя. Он усадил ее на колени, поболтал с нею и затем велел отвести к родителям.

Увидев ее на следующий день, Император был поражен ее прирожденной грацией, прелестными манерами и большими глазами испуганной газели. Изысканно-любезно, как будто бы она была придворной дамой, Царь попросил ее показать ему сад. Они долго гуляли вместе. Она была в восторге. Воспоминание об этом дне прочно закрепилось в детской памяти.

Год спустя Александру II вновь пришлось вспомнить о ней. Князь Долгорукий, безвольный и привыкший к широкому образу жизни, увлекшись спекуляцией, потерял все свое состояние. Деловые заботы расшатали его и так подорванное здоровье, и он вскоре умер. Дабы ограждать семью от настойчивости кредиторов, Царь принял Тепловку «под императорскую опеку» и взял на себя расходы по воспитанию шестерых, оставшихся после смерти князя детей – четырех сыновей и двух дочерей.

Екатерина Михайловна и ее младшая сестра Мария поступили в Смольный институт, основанный Екатериной II в подражание Сент-Сирскому институту мадам де Ментенон. Великолепное по архитектуре здание этого «Института благородных девиц» раскинулось на возвышенности Пушкиным Неве в том ее месте, где река делает крутой поворот. Начиная с Екатерины II, все русские императоры и императрицы осыпали этот институт своими милостями. Они интересовались личностью воспитанниц, их работой и играми и часто посещали их.

В этом аристократическом учебном заведении юные княжны Долгорукие скоро выделились своей красотой. Обе стройные и с правильными чертами лица, они олицетворяли два разных типа женской красоты. Лицо старшей, Екатерины, было как бы выточено из слоновой кости и обрамлено каштановыми волосами; младшая, Мария, пышущая здоровьем, обещала стать красавицей-блондинкой. Александр II часто и охотно беседовал с ними. Но вскоре можно было заметить, что с особенным вниманием он относится к старшей.

В 17 лет Екатерина Михайловна окончила институт. Получая скромную пенсию, она поселилась у старшего брата, князя Михаила Михайловича, женатого на прелестной неаполи-

танке, маркизе Вулькано де Черчемаджиоре. Зимой они занимали квартиру на Бассейной, а летом жили в скромной даче в Петергофе.

Однажды весной Екатерина Михайловна в сопровождении горничной проходила по Летнему саду, покрытому еще снежным ковром. Она увидела императора, совершавшего свою обычную прогулку в сопровождении адъютанта. Государь подошел к ней и, не обращая внимания на прохожих, наблюдавших за ними, увлек ее в одну из боковых аллей.

Ласковыми, нежными и соблазнительными речами царь глубоко смутил и взволновал неопытную, наивную девушку. Она хотела просить его замолчать, но, смущенная, не находила слов, застревавших у нее в горле.

С этого времени встречи стали довольно часты то в Летнем саду, то в извилистых аллеях Елагина острова, а летом под тенью векового леса в окрестностях Петергофа. Но тщетно государь говорил ей всякий раз о своей большой, властной и мучительной любви – она оставалась холодной, далекой и замкнутой.

Потом, в течение нескольких месяцев, Екатерине Михайловне удавалось избегать встреч с царем. Но вскоре он снова добился их.

Впоследствии, когда случилось неизбежное, она с недоумением вспоминала об этом периоде своей жизни и часто говорила своему верному другу госпоже Ш.: «Не понимаю, как я могла противиться ему в течение целого года, как не полюбила его раньше».

Полюбила она его не сразу. Однажды, при встрече с Екатериной Михайловной, царь показался ей таким беспомощным и несчастным, что в ней пробудились жалость и сострадание. В этот день она нашла простые, но очень нежные слова, бальзамом пролившиеся на его исстрадавшееся сердце. А когда они расстались, она упрекала себя в недостаточной нежности. Впервые со времени их знакомства она с нетерпением ждала следующей встречи.

При следующем свидании, лишь только их взгляды встретились, она вздрогнула от внезапного сердечного потрясения и как бы вся переродилась.

Наступил июль 1866 года. Двор по обыкновению находился в Петергофе в великолепном дворце, выстроенном на берегу Финского залива Петром Великим с тайным желанием затмить Версаль.

В конце парка, близ дороги, ведущей в Красное Село, возвышается павильон, украшенный колоннадой, нечто вроде бельведера. Этот бельведер, носящий имя Бабигона, был выстроен Николаем I в 1853 году для его супруги, императрицы Александры. Уединенный и окруженный зеленью и цветами, он господствует над волнистой поверхностью финских вод.

Здесь 1/13-го июля Екатерина Михайловна, взволнованная до потери сознания, отдалась не менее взволнованному императору Александру II. Расставаясь с ней и покрывая ее последними поцелуями, царь торжественно поклялся ей:

«Увы, я сейчас не свободен. Но при первой возможности я женюсь на тебе, ибо отныне и навеки я считаю тебя своею женой перед Богом... До завтра!.. Благослови тебя Бог».

С тех пор Екатерина Михайловна часто приходила в павильон.

Когда же пасмурное сентябрьское небо и холодные осенние дожди вынудили двор вернуться в столицу, то встречи юной княжны с ее августейшим другом стали еще более частыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.